

Роман Максимов

Афганский разлом

Роман Романович Максимов

Афганский разлом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26117620

Аннотация

Демократическая Республика Афганистан. Лето 1985 года. Ведение активных боевых действий между правительственными силами Афганистана и ограниченным контингентом советских войск в Афганистане с одной стороны и многочисленными вооруженными формированиями афганских моджахедов («душманов»), пользующихся политической, финансовой, материальной и военной поддержкой ведущих государств НАТО и консервативного исламского мира с другой стороны. Рядовой ОКСВА Сергей Никитин попадает на Баграмский полигон, где происходит его становление, как воина-интернационалиста. Он видит весь негатив службы в Советской Армии; на себе испытывает жестокую дедовщину; двойные стандарты в отношениях между офицерским составом и военнослужащими срочной службы; стирание всех граней между жизнью и смертью, которая, впоследствии, становится обычным повседневным явлением для молодых, еще не окрепших душ восемнадцатилетних ребят. Он попадает в самое пекло сражения, в ущелье Панджшер, где теряет своих сослуживцев, друзей, с которыми еще вчера делил армейский сухпак и мечтал о счастливой после армейской жизни... Вот тут то и начинается

настоящий ужас и страшная реальность Афганской войны...
Содержит нецензурную брань.

РОМАН МАКСИМОВ АФГАНСКИЙ РАЗЛОМ

(художественно-документальная повесть)

Глава 1

**«Не думайте, что Я пришел
Нарушить закон или пророков;
Не нарушать пришел Я,
Но исполнить».**
(Евангелие от Матфея)

Солнце медленно, словно нехотя, клонилось к закату, когда на пыльной, утопанной гусеницами бронетехники дороге, ведущей в Баграм, появилась колонна БМП. Серые, от многочасового пути, машины разрезали вечернюю тишину тупым лязганьем железа; клочкотанием мощных двигателей; выбрасывая в воздух клубы ядовитого выхлопного газа. С высоты колонна напоминала огромную извивающуюся змею, которая ползла на свой коварный промысел, но отличалась от пресмыкающегося тем, что вместо ядовитых зубов несла в себе не менее смертельный боекомплект.

Сергей Никитин сидел в десанте рядом с дембелями, которые то и дело затягивались какой то вонючей травкой, пуская тяжелый, густой дым, забивающийся Сергеем в нос и глаза. В БМП душно, как в парной (люки открывать не разрешали на протяжении всего марша), а тут еще эти двое с удо-

влетворением пускают дым тебе прямо в лицо! Постепенно Никитин почувствовал легкое головокружение и какое-то странное чувство расслабленности, словно неведомая сила, плавным движением своих невидимых рук, сняла всю дневную его усталость. «Что за черт? – подумал Сергей, – наверное наркотик курят, бляха-муха...» И что удивительно, ведь рядом, в башне сидит офицер – лейтенант, – и хоть бы что! Только изредка поглядывает на него, Сергея, ухмыляясь своими маленькими губками, над которыми еле заметно проступает темная, редкая щетина. «Сам поди наркота», – думал рядовой Никитин, крепко уцепившись за деревянную лавку, что бы не ударится головой о железную стойку десанта – пошла ухабистая дорога.

Мытарства молодого бойца оборвала команда жидкоусого лейтенанта, – – Стоп машины!

Водитель-механик коробочки (так называли солдаты между собой БМП) Олег Яловец, одно призывник Сергея, с украинского города Черкассы, плавно нажал на тормоза и тяжелая, запыленная боевая машина пехоты, медленно остановилась. «Ну, поди приехали» – подумал Сергей и хотел было уже подняться со своего проклятого места, как вдруг почувствовал сильный удар в броню, как раз в том месте, где находился задний люк для высадки десанта. Не удержав равновесие, Никитин грузно падает на опешевшего дембеля, при этом попадая своей бритой головой ему в переносицу. Секунда – и уже «молодой» на себе ощущает тяжелый кулак

«дедушки Советской Армии», профессионально вклепавший в Сергеево левое ухо. Весь десант спешно выскакивает наружу, выяснять причину случившегося. Первое, что пришло в голову Никитину, когда потирая больное ухо он выкарабкался из душного БМП, была одна отчаянная мысль: «Подбили, суки... Из гранатомета влупили!»

Кое-как выбравшись и оглядевшись вокруг, Сергей вскоре понял причину свалившего его с ног мощного удара в люк бронемшины. Дело в том, что следовавшая чуть позади БМП, по общей команде «Стоп!» не остановилась, продолжая ехать вперед, так, как водитель «коробочки», – тоже молодой боец, впервые ступивший на обожженные белым солнцем, пыльные дороги Афгана, – сам того не замечая, заснул на ходу. Точнее отключился, вырубился, – или какие там еще можно найти слова, передающие состояние восемнадцатилетнего пацана, который вот уже более суток не смыкал глаз, сидя за штурвалом своей машины и слушая понукания «дедов» да их едкие, обидные словечки.

Еще там, в Союзе, в городе Термез, где формировали свежий полк для отправки в Афганистан, старослужащие открыто показывали свое превосходство над неопытными, только что с «гражданки» «салагами» – молодыми солдатами. Молодые делали все: выполняли унижительную работу, стирая «дедушкам» белье; подшивая им подворотнички; отдавали масло и сахар со своего спецпитания. Да мало ли каких унижений человеческого достоинства в нашей «доблест-

ной, непобедимой и легендарной» армии увидел Серега за несколько месяцев, проведенных в Термезе. Но все-таки в сердце теплилась надежда, что там, в Афгане, где жизнь ходит взявшись за руки со смертью; где тебя могут в любой момент свалить на землю то ли автоматная очередь, то ли осколки снарядов и противопехотных мин; где дружба должна цениться гораздо выше всяких праздных слов, – там, в Афгане, нет и не должно быть дедовщины и всякого унижения человеческого достоинства других.

Как ты ошибся, Серега! Ведь пройдет совсем немного времени и ты сам будешь свидетелем того, как на боевые выходы старослужащие посылают «молодого», неопытного, необученного и не привыкшего к условиям местности, – хотя должны идти вместе, всячески поддерживать парня и если нужно, грудью закрыть «салагу» от душманской пули. Но увы... «Дедам» нужно домой, – они свое отпахали и лишний раз лезть под пули ни у кого нет желания.

Ты будешь видеть, как после таких боевых выходов несли окровавленные, бездыханные тела твоих сослуживцев, – одно призывников, -подорвавшихся на mine или напорвавшихся на засаду «духов». Ты будешь свидетелем заболевания дистрофией в горах, в основном «молодых», – изможденных, не похожих на нормальных людей солдат, несущих на себе и свой, и «дедушкин» боекомплект...

Но это все будет потом... А пока, спрыгнув с БМП на землю, Сергей наблюдал, как приводили в чувство белокурого,

худощавого водителя-механика врезавшейся в них боевой машины пехоты. Больше всего усердствовал смуглый, коренастый сержант, сопровождая волю своих громадных кулаков, отборной русской бранью. Белокурый то и дело поднимал руки, стараясь хоть немного защитить лицо и грудь от этих страшных, молниеносных атак сержанта.

– Паскуда!, – орал смуглый бычьим голосом, посылая удары в незащищенные места водителя, – педераст гребаный! Ты что не видел куда едешь? Спички вставляй в свои глаза, что б не закрывались! Придет время, сами закроются навечно, сука!...

Это было ужасно слышать, тем более видеть, как в общем то ни за что, ни про что свой избивал своего, – пусть «салагу», но все таки своего, русского парня! Сергей почувствовал острую ненависть к этому жестокому чернявому сержанту, усердно работающего руками и языком. «Сам ты паскуда», – думал Никитин, – «сам сука вонючая! Ведь этот белокурый пацан за тебя же, падлу, не смыкая глаз вел «коробочку» более суток. А ты отлеживался в десанте, отдыхал, – ты же «дедушка», «дембель», ты свое «отпахал», теперь пусть «молодые» пашут!»

С соседних БМП начали подходить солдаты и офицеры. Какой то майор ринулся к сержанту, сильно оттолкнул его от своей жертвы и о чем то быстро, гневно заговорил, манипулируя руками прямо возле лица чернявого.

Тут только Сергей заметил, что начала выплескиваться из

разбитого бака солярка, которая струйками текла на пол машины, заполняя воздух специфическим запахом горючего. Рядом стоял жидкоусый лейтенант, поставив ногу на гусеницу «коробочки» и, как тогда, в десанте, ухмылялся своими маленькими губками. Оказывается он всю бойню стоял здесь и смотрел! Спокойно смотрел, как избивают солдата, – его же, может быть подчиненного, – и ничего не сказал, не остановил разбушевавшегося сержанта! А мог бы! Власть ведь имеет!

Никитин сплюнул себе под ноги и впервые огляделся вокруг себя – «Куда же нас занесло?» У проходившего мимо солдата с боевой медалью «За отвагу» спросил, где находимся.

– Баграм, дружище, – весело сказал солдат и хлопнув слегка по плечу стриженного новоявленного бойца, добавил, – Будем служить!

Глава 2

«А теперь иду к Пославшему Меня,

И никто из Вас не спрашивает

Меня: Куда идешь?»

(Евангелие от Иоанна)

Местность, где остановилась колонна бронемашин с молодым пополнением, представляла собой огромную пустыню, сплошь устланную консервными банками, которые необыч-

но серебрились и сверкали на фоне заходящего за снежные вершины Афганских гор солнца.

Внимательно приглядевшись, за блеском этой консервной жести, можно было различить валявшиеся тут и там старые армейские котелки; побитые фляги; стреляные гильзы разных сортов; обрывки бумаги; клочья какого то ненужного солдатского тряпья. Все это походило, с первого взгляда, на обширную городскую свалку, где так часто любит «хозяйничать» шаловливая, вихрастая ребятня.

Сергей вспомнил, как когда то давно, в детстве, играя с другом на продымленной, вонючей угаром свалке своего родного города, нашел старый, весь покрытый ржавчиной, без магазина и части ствола немецкий автомат («Шмайсер», как потом ему объяснили старшие ребята) времен Второй Мировой Войны, и не менее ржавую, с огромной дырой на затылке, рогатую каску войск Вермахта. Теперь, играя в «войнушку» Сережка, – в каске и с автоматом наперевес, – слыл «самым главным фашистом» и у него даже был личный бункер, – заброшенный кирпичный сарай, – при входе в который маленький ушастый «фюрер» настоятельно требовал у входящих «аусвайс», – жестяные бутылочные крышечки...

– Увы, мы здесь не первые, – услышал Никитин за спиной чей то тихий голос. Обернувшись, увидел низенького веснушчатого паренька с большими серыми глазами и слегка выющемся волосами, который широко улыбался, обнажая белые, как молоко, зубы.

– Володя Старовойтов, из Дубны, – представился веснушчатый, протягивая Сергею маленькую жилистую руку, – Это под Москвой, знаешь?

– Угу, – промычал Никитин, – осматривая нового знакомого, так внезапно оборвавшего его детские воспоминания, – Сергей... Никитин, из Никополя, – словно нарочно, выделяя каждое слово, произнес он, подав солдату раскрытую влажную ладонь.

Весь вечер шла разгрузка машин: доставали многоместные, вылинявшие на солнце армейские палатки, – и тут же, не мешкая, устанавливали их, образуя тем самым большой палаточный городок; снимали с БМП боекомплекты, РДВ и всякую житейскую мелочь, столь необходимую солдату в полевых условиях. Весь мусор сгребли в одну кучу, недалеко от палаточного городка. Куча оказалась внушительных размеров и походила на крепость, стенами которой служили бесчисленное множество консервных банок. « За этой стеной – как за Китайской стеной», – шутили ребята, старательно орудуя лопатами.

Сергей заметил, что пашут одни «салаги», – «дедушки» и «дембеля» либо сидят кучкой в стороне, покуривая «Чарс», – дешевый афганский наркотик, – либо бродят между работающими «молодыми», отвешивая кому подзатыльник, кому «саечку», – указывая, что и как делать.

Ночь пришла быстро, окутав палаточный городок своей звездной шалью. То тут, то там, по темному, безоблачному

небу, пролетали яркие астероиды, на доли секунды оставляя за собой широкий, светящийся хвост. Некоторые из них исчезали сразу же после появления, другие же, проделав длинный путь по наклонной, растворялись за темными очертаниями гор. Это было великолепное зрелище!

Никитин стоял, прижав к груди свой старенький АКМ, – доставшийся ему в наследство от ушедших на «гражданку» дембелей, – наблюдая с любопытством и каким то непонятным трепетом души ночное звездное представление. «Какая красота», – подумал Сергей, провожая взглядом очередную падающую звезду на ночном темно – синем небосклоне, – «тут не воевать надо, а романы фантастические писать, или стихи про любовь, – этакую большую, многострадальную, но обязательно счастливую...»

Внезапно на ум пришли слова Наташки, сказанные в последний день его гражданской жизни, когда обнявшись друг с другом, словно пытаясь слиться воедино и раствориться в ночной темноте городского парка, они тихонько сидели на дальней скамейке, и было лишь слышно, как синхронно бьются их молодые, влюбленные сердца.

– Сережка, милый, – еле слышно, почти шепотом, говорила Наташа, плотнее прижимаясь к широкой юношеской груди, – Я тебя ждать буду, честное слово! Ты у меня один такой, – красивый, добрый... А вернешься домой, то сразу же поженимся; у нас будет много-много детишек, – ты же ведь любишь детей, правда?»

Но вместо ответа Сергей еще крепче прижал к себе Наташку и нежно поцеловал ее в губы. «Наташка, солнышко мое, я конечно люблю детей и тебя люблю тоже, и у нас обязательно будут дети: мальчики, девочки, – все равно, лишь бы у нас с тобой! Два года пролетят быстро – не успеешь оглянуться, – и потом уже нас ничто на земле, никакая, пусть даже сверхъестественная сила, не сможет оторвать друг от друга!»

Они познакомились в автобусе, совершавшем пригородный рейс Никополь – Марганец. Он стоял, ухватившись обеими руками за поручни, не сводя глаз с молоденькой, симпатичной девушки – кондуктора, которая спешно раздавая пассажирам билеты, бросая взамен в свою потертую коричневую сумочку звонкие монетки, – изредка поглядывала на вылупившегося в нее глаза темненького паренька с небольшим, еле заметным шрамом на переносице.

– А Вы почему не платите за проезд?, – вдруг в упор обратилась к нему девушка – кондуктор.

Да, действительно, вот уже десять минут, как автобус отправился, а Он еще даже не купил билет. Засмотрелся на чернобровую, с длинными русыми волосами и как алый мак сочными, слегка подкрашенными губами девушку с кондукторской сумкой через плечо. «Черт, где же кошелек?», – лихорадочно думал Он, тщетно выворачивая карманы своих новеньких «джинсов», – кошелек исчез бесследно. – Может оставил дома, а может и выпал по дороге, кто знает?...»

Она с любопытством наблюдала за манипуляциями темноволосого паренька и, когда тот, медленно поднял на нее полные страдания и душевной муки глаза, – прыснула от смеха, не обращая внимания на недоуменные лица пассажиров. Он засмеялся тоже. Они смотрели друг на друга и смеялись, словно находились одни, и не было ни этого автобуса, ни пассажиров с тусклыми, каменными лицами, ни стремительно пронесившихся за окнами городских строений. Где то впереди салона кто то хихикнул, потом еще и еще... Каменные лица пассажиров понемногу стали расплываться и вскоре весь автобус разразился долгим, заразительным смехом. Так познакомились Он и Она... Сергей и Наташа...

Сергей невольно улыбнулся. Теплые воспоминания на какое то время вытеснили всю его злость и обиду на чернявого коренастого сержанта, избивавшего худенького водителя – механика, а теперь и его, Серегу, заставившего вместо себя нести это чертово ночное дежурство возле заваленного камнями и досками кириза.

Сержанта звали Эдуардом, а фамилия Кабанов очень кстати подходила под его сытую красную рожу с маленькими злыми глазками. В палатке их койки оказались рядом, точнее одна над другой. Сергею, как «салаге» предоставлялось место на верхнем ярусе. Внизу лежали «деды» и «дембеля». Палатка была довольно обширная и вмещала в себя десять двухъярусных кроватей, не считая две кровати без яруса для старшины роты и командира взвода.

Прозвучавшая долгожданная команда «Отбой» в одно мгновение свалила с ног уставший от изнурительного рабочего дня мотопехотный полк. «Молодые» еле забирались на вторые этажи, для скорости получая хороший пинок старослужащего в «место не столь отдаленное от спины». Никитин также почувствовал на себе тяжелый удар Кабанова и в мгновение ока оказался под потолком на своем втором ярусе. Не прошло и десяти минут, как палатка погрузилась в глубокий, всемогущий «мистер Сон»...

Но долго спать Никитину не пришлось. Он проснулся от сильной тряски. Чья то огромная волосатая рука безжалостно трясла его за плечо, словно старалась во что бы то ни стало скинуть на пол сонного, измученного солдата. Открыв глаза, Сергей увидел перед собой свиную харю сержанта, который в данный момент должен был находиться в наряде, – как, в общем и все остальные старослужащие, – предоставляя, по приказу командиров, отдых еще не оперившимся «салажатам». Никитин буркнул что-то невнятное и повернулся на другой бок, тем самым вызвав бешеную ярость у Кабанова. В то же мгновение, еще толком не соображая, что произошло, Сергей очутился на земляном полу палатки.

– Одевайся, – коротко бросил сержант и швырнул солдату лежащее на тумбочке обмундирование.

Солдат хотел было что-то возразить наглому «дембелю», но тот с такой силой сжал ему ключицу, что разом пропала всякая охота перечить. Молча одевшись, взяв автомат, Сер-

гей медленно побрел к указанному Кабановым месту дежурства.

На следующий день полк начал заниматься благоустройством территории – палаточного городка, который на утро, в первых бликах солнца, казался неотъемлемой частью местного пейзажа. Работы было много (ведь за вчерашний вечер успели убрать лишь мусор, да поставить полевые палатки), но это не мешало, по ходу дела, заводить новые знакомства, искать земляков, демонстрировать друг другу, кто на что горазд, – в общем понемногу осваиваться на новом, незнакомом месте и в новом, большом коллективе.

Сергей познакомился с двумя братьями Бугаевыми – Сашкой и Колькой, одного призыва, с далекого сибирского города Томска. Он немного завидовал этим сильным, мускулистым парням, занимавшимся на «гражданке» борьбой «Самбо». Братья держались всегда вместе и могли дать должный отпор зазнавшемуся «деду», а то и целой группе «дедов» и «дембелей», которые не прочь были бы унижить их человеческое достоинство. . Так было раз в Термезе, когда один «дембель» приказал новеньким, только что приехавшим с молодым пополнением, солдатам, к утру почистить ему сапоги; постирать его грязное белье; подшить белый подворотничок на гимнастерку; погладить ее и в добавок ко всему натереть до блеска пастой «Гоя» пуговицы на кителе и пряжку на ремне. Понятное дело, братья отказались выполнять этот, не входящий ни в какие рамки человеческих

отношений, приказ наглого «дембеля», за что им устроили «темную» после отбоя. Но нарвались не на тех, кого можно запросто избить, растоптать, вымазать в «параше»; кому можно без зазрения совести помочиться в рот или затушить на лбу сигарету, как довольно часто делают с «неугодными», послушавшимися приказов «дедушек Советской Армии» молодыми солдатами, не имеющими ни силы воли, ни элементарного чувства достоинства к самим себе. Зачастую такие солдаты, физически хилые, трусливые, замкнутые в себе и становятся объектом издевательств и насмешек старослужащих, а то и своих же одно призывников, даже некоторых офицеров.

Сергей как-то, еще на гражданке, слышал от пришедшего с армии знакомого, что один прапорщик – гомосексуалист, удовлетворял свои потребности в каптерке с молодым солдатом, который, будучи по своей натуре боязливым и мнительным, попал под влияние педераста, – и вырваться уже не мог, т.к. любое проявление нежелания идти в осатаневшую каптерку пресекалось зверскими избиениями или самого прапорщика, или подосланных им «шестерок». В конце концов парень повесился ночью в умывальнике, находясь в наряде дневальным по роте...

Нет, не на таких нарвались «деды», пытаюсь расправиться с братьями Бугаевыми. Итог: у двух «дедушек» перелом ключицы; у одного вывернута ступня; остальные отделались внушительными синяками и ссадинами, – отнюдь не укра-

шающими их «мужественные лица». Все... Больше к братьям старослужащие не обращались за помощью, а тот, наглый «дембель», приказавший «пошестерить» и вовсе затих, словно и нет его в расположении.

Бугаевы быстро завоевали симпатии окружающих и Сергей, понятно, был доволен своими новыми знакомыми.

Миша Пеньковский, – шабутной, темноглазый весельчак, к тому же превосходно играющий на гитаре, где-то раздобытой в соседнем пустующем кишлаке, – сразу стал «своим парнем», душой коллектива. Он знал много разных песен, в том числе армейских, что послужило пристальным вниманием к нему со стороны «дембелей» и теперь в его прямые обязанности входило убаюкивать на сон грядущий «дедушек» Советской Армии. Впоследствии, Никитин знал наизусть почти все его песни, которые негромко, сонным голосом, перебирая задубевшими пальцами уже ненавистные струны гитары, исполнял Пеньковский, сидя на койке какого то «дембеля», который растянувшись, сладко посапывал под звуки аккордов. Во мраке палатки почти каждый вечер, после отбоя, Мишутка Соловей, – как шутливо называли его сослуживцы, – тянул протяжным скрипучим голосом:

– Мы сегодня до зари встанем, на зарядку побежим строем,

Нас уже и так осталось мало, вот, сегодня, не поднялись трое...

Бьют дождинки по груди впалой, а начальству все равно

мало...

А на окнах не решетки, а рамы, все равно я, как в тюрьме, мама.

– А в столовой еда пахнет хлоркою,

Кто то в бане примерз у стены,

Просыпаемся мы, – и грохочет над полночью,-

– Рота подъем!, – дикий голос жлоба старшены...

– Я сегодня до зари встану, посмотрю на старшину, лягу...

Что-то с сердцем у меня стало, впереди еще подъем, мама...

Обещает быть весна ранней, только я не доживу, знаю,

Нас уже и так осталось мало, да и те, поди, помрут к маю...

Кстати сказать, Пеньковский не ограничивался старыми, уже будучи популярными в армейской среде, песнями (хотя знал их очень много, еще с «гражданки»), которые настойчиво требовали исполнить «деды», иногда в наркотическом дурмане подпевая гитаристу заплетающимися языками. Нет. Он пел песни и собственного сочинения, никому ранее не известные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.